

— Ничья, — произнес Дин Яньшоу. — В технике ты на голову выше, так что нечего так убиваться. Или ты рассчитывал на полный разгром?

Дин Ханьбай привык побеждать с разгромным счетом, и даже минимальный перевес в пользу соперника казался ему крахом. Он ведь еще недавно насмеялся над Цзи Шэньюем, а сейчас, вспоминая это, чувствовал себя полным идиотом. Но главное было в другом... он испытывал страх.

Он боялся, что однажды Цзи Шэньюй превзойдет его.

Впрочем, страх ли это? Скорее, досада.

— Сынок, отпусти ситуацию, — Дин Яньшоу редко обращался к нему так по-отечески. — В нашем деле все твердят, что мое мастерство достигло вершин, но я воспринимаю это как шутку. Однако когда хвалят тебя — я принимаю это как должное. Ты мой сын, и я лучше всех знаю, какой у тебя талант и сколько сил ты вкладываешь в работу. Пока ты не запустишь себя, ты будешь вне конкуренции.

Дин Ханьбай усмехнулся такой формулировке, а затем посмотрел на отца:

— А что насчет Цзи Шэньюя?

Дин Яньшоу ответил честно:

— Шэньюй слишком похож на Фансюя. Он невероятно умен и схватывает все на лету, но и недостатки у них общие: им не хватает опыта. А не хватает его потому, что они увлекаются слишком многим. Будучи слишком одаренными, они осваивают всё подряд и не могут сосредоточиться на чем-то одном.

Дин Ханьбай перебил его:

— А что еще он умеет?

— Трудно сказать, — ответил Дин Яньшоу. — Он десять с лишним лет провел рядом с Фансюем, вряд ли он научился только резьбе. — Он помолчал и похлопал сына по тыльной стороне ладони. — Ты боишься не того, что тебя обгонят. Ты боишься, потому что у него есть то, чего нет у тебя. Он любит свое дело, вкладывает в каждую работу душу. А ты спроси себя: ты такой же?

Это и было самым болезненным местом для Дина Ханьбая. Отец уже говорил ему: в его работах техника всегда превалирует над чувствами. Если выразиться грубее — он просто холодно демонстрирует свое мастерство.

Дин Яньшоу не раз предупреждал: любишь ты это дело или нет, ты обязан нести за него ответственность. Дин Ханьбай согласился и никогда не халтурил, но на этом все и

заканчивалось — вложить в работу глубокое чувство он не мог.

В прихожей царила тишина. На западной витрине красовалась композиция Иньхань Тяоди. Цзи Шэньюй сидел за прилавком с коробкой фисташек на коленях, подмешав туда для конспирации немного скорлупок, чтобы казалось, будто он не ест на рабочем месте, а просто перебирает товар.

Щелк — он раскусил орешек, подбросил его и поймал ртом, но прежде чем успел проглотить, чья-то рука перехватила его. Он обернулся, увидел Дина Ханьбая, но ничего не сказал и продолжил щелкать орехи. Расправившись с порцией, он сам протянул угощение тому:

— Поговорил с учителем?

Дин Ханьбай буркнул:

— Угу. Хвалил тебя.

Цзи Шэньюй спросил снова:

— Учитель меня хвалил, ты не ревнуешь?

Дин Ханьбай ответил:

— Это я его просил тебя похвалить.

Цзи Шэньюй поверил. Он с самого начала знал, что именно беспокоит Дина Ханьбая. Доев фисташки, они молча усталились на прилавок. Когда зашел покупатель и начал расспрашивать про фужунши, они прикинулись дурачками и не стали давать внятных ответов.

Слишком много сил было вложено в эту резьбу, жалко отдавать.

Но в конце концов вещь все же продали. Открыл сезон — кормишься полгода. Цзи Шэньюй радостно побежал к Дин Яньшоу, крича, что заработал для Юй Сяоцзи денег. Дин Ханьбай тихо посмеивался, и его не самое радужное настроение заметно улучшилось.

Они пробыли в лавке до закрытия, а после работы Дин Ханьбай «раскрутил» Дин Яньшоу на ужин и они отправились в Чжуйфэнлоу на той стороне улицы. Во время еды Дин Яньшоу спросил Цзи Шэньюя, не скучает ли тот по янчжоуским ресторанам, но тот лишь покачал головой.

— Я с учителем все заведения в Янчжоу обошел, уже неинтересно, — ответил он. — А потом он и сам перестал ходить по ресторанам, велел няне готовить дома — то одно не ешь, то другое, берег здоровье.

Дин Ханьбай бросил не попад:

— И что, помогло это ему подольше прожить?

Язык опередил мысли, и не успел он договорить, как получил удар по голени — Дин Яньшоу пнул его под столом. Дин Ханьбай подцепил палочками золотистое куриное крылышко и положил Цзи Шэньюю:

— На, не злись.

Цзи Шэньюй любил эти крылышки. Укусив кусочек, он пробормотал:

— Ничего страшного.

Трое мастеров плотно поужинали и вернулись домой, когда уже совсем стемнело. В их дворике заменили лампочки, и стало светлее, чем обычно. Дин Ханьбай завтра наконец-то выходил на работу, поэтому сразу по приходе начал рыться в шкафу, выбирая одежду. Цзи Шэньюй уже успел принять душ, а Дин Ханьбай все еще только собирался.

Тот нехотя поплелся умываться, а вернувшись, принялся наматывать круги по двору. Увидев, что в спальне горит свет, он крикнул:

— Жемчужина! Выходи!

Цзи Шэньюй приоткрыл дверь:

— Зачем гулять среди ночи?

Дин Ханьбай ответил с издевкой:

— Здоровье укрепляю, учусь у мастера Цзи.

Цзи Шэньюй выскочил, чтобы проучить его: кричал по имени, пытался пнуть в самое больное место, но при этом смеялся. Дин Ханьбай перехватил его руки, скрутил, подставил подножку, хотя сам притворно просил пощады.

На запястье у Цзи Шэньюя что-то позвякивало, холодное и гладкое. Дин Ханьбай крепко ухватил его за руку:

— А браслет у тебя знатный.

Цзи Шэньюй выхватил янтарный кулон, на лице его еще играла улыбка, обнажая ровные белые зубы.

Нашумевшись, Дин Ханьбай выключил свет, и дворик погрузился в полный мрак. Они вместе

прошли по темноте, поднялись на крыльцо и у дверей разошлись.

— Спи, — сказал он. «Спокойной ночи» он говорил редко.

Цзи Шэньюй вдруг хлопнул его по плечу:

— Старший брат, я хочу подарить тебе ответный подарок.

Повеяло ветром, сорока на дереве подала голос, тучи в ночном небе разошлись, показались звезды, и лунный свет позволил Дину Ханьбаю разглядеть лицо Цзи Шэньюя.

Глаза того горели — он был настроен серьезно соблюсти правила вежливости.

Подарок... это почему-то напомнило о фальшивых серьгах из нефрита.

Дин Ханьбай отступил назад и отрезал:

— Да брось ты это дело.

<http://bllate.org/book/19144/1880219>